

Глава одиннадцатая

За всю дорогу дедушка не произнес ни слова. Он высадил меня на повороте, напротив подъезда. В прихожей я скинула ботинки, пошла на кухню и взяла банан. Я проголодалась и замерзла, а когда подзарядила мобильник, первым делом увидела сообщение от Сары: «Что случилось?»

«Телефон сдох», — ответила я.

Больше сообщений не было.

Интересно, который час? У Сары уже вечер. Милая подруга, как бы мне хотелось, чтобы сейчас ты была рядом со мной! Но у тебя теннис и свидания с этим... Ником или Найком. И вообще, все не так, как у меня. Я заглянула на ее страничку в социальной сети. После переезда у Сары стало еще больше друзей. Какие снимки! На них она была не только с одноклассницами, но и со взрослыми девушками. Моя подруга вела просто фантастическую жизнь. В отличие от меня.

Мама не отвечала на звонки. Что случилось, неужели работа? Хотя какая разница. Все равно она перестала со мной разговаривать. Если и спрашивала, как дела, мой ответ ее совершенно не интересовал. Я не сомневалась в этом, потому что проверяла.

Я: Сегодня Юнна съела лягушку. Проглотила целиком, представляешь?

МАМА: Да... Тебе тоже следовало бы... почаще бывать на природе, я имею в виду.

Если раньше она не справлялась без папы, то теперь не могла обойтись и без меня... Да и без дедушки, наверное, тоже, хотя в этом мама ни за что не призналась бы.

Я доела банан и бросила кожуру в мусорное ведро. Мне сделалось страшно тоскливо и одиноко. Может, виной тому был холод? Хотелось одного — согреться. Срочно под душ! Воду погорячее — насколько можно терпеть... Чтобы от кожи шел пар. Жаль, что в дедушкином офисе нет ванной, как в нашей прежней квартире. Я бы погрузилась в воду с головой и пролежала так несколько минут.

Знаешь, папа, в день, когда ты пропал, я забила три гола. И они оказались решающими: мы выиграли кубок. Я отправила тебе сообщение, хотела обрадовать. Но ты не ответил, и я разозлилась. Мне и в голову не могло прийти, что с тобой что-то случилось.

Душ не помог, я все равно мерзла. От пола тянуло холодом... Обычно ты отвозил меня на футбол, папа. Мама даже не заметила, когда

я бросила секцию... Я завернулась в полотенце, надела мамин халат и сунула ноги в тапки из овчины. Потом вышла на кухню, сделала бутерброд с арахисовым маслом и клубничным вареньем. Заварила в чашке какао, ушла в свою комнату и закрыла дверь.

Бутерброд развалился, и варенье потекло по рукам. Я села на кровать, укуталась в плед и одеяло. Пришло сообщение от Сары. Фотография Ника — без текста. Что она хотела этим сказать? Или я не знаю, как он выглядит?

Вечером дедушка пригласил нас с мамой на ужин. Мама отказывалась, но он настоял.

— Прошу вас, ради меня. Иногда кусок в горло не лезет, когда я один.

Но дедушка приглашал нас вовсе не для того, чтобы не остаться голодным. Он хотел нам что-то сообщить, и это меня пугало.

Мы выбрали пиццерию на берегу. По дороге мама заметила, что на дедушкином пальто разошелся шов.

— Может, пора сменить его на новое?

Он как будто обиделся и провел рукой по крапчатому драпу.

— Это отличное пальто, оно пошито в Лондоне. На что я могу его здесь сменить?

Я вздохнула. *Мы знаем, дедушка! Сколько раз ты уже рассказывал нам про свое пальто.*

Я выбрала пиццу с лисичками и колу, хотя мама и не разрешала мне ее пить. Потом засигналил мобильник. Сообщение от Сары. Я вспомнила Ника, и мне стало не по себе. Но когда прочитала, на сердце сразу потеплело. Сара была со мной, и тысячи миль не имели никакого значения.

«Только что встала из-за стола, — писала она. — Уроки».

(В Шанхае была почти ночь.)

«Хорошо, что у нас каникулы».

«Извини, страшно устала... Плюс эти чертовы тренировки».

«Бедняжка!»

«Ник настоящий профи в теннисе».

(Что я должна была на это ответить? «Чертов Ник»?)

«О'кей».

(Еще слово про Ника, и меня вырвет.)

«Завтра прихвати с собой зарядку, чтобы мы могли тебе позвонить».

(«Мы»... Серьезно?)

«А кто это там на фотографии? — спросила Сара. — Привидение?»

«На какой фотографии?»

«Где ты в комнате с роялем, ты вчера присылала».

«Тогда, наверное, это я и есть. Присмотрись хорошенько».

«Нет, позади тебя. Рядом с дверью... Там как будто кто-то стоит... Рука, видишь?»

«Что?»

«Ну, все... Пришел папа, гашу свет. Пока, Мона!»

Сара исчезла. Видимо, хотела немного поиграть в привидения. Я пролистала снимки на мобильном — вот эта фотография. В самом деле, в комнате как будто кто-то входит. Но фигура размыта, я вижу только руку.

Я протянула мобильник дедушке. Он поправил очки и потрепал меня по щеке:

— Ты у меня вообще фотогеничная.

— Да не это... Дедушка, неужели ты не видишь? Там, за моей спиной...

Но тут появился официант и налил в мамин бокал вина. Когда он ушел, я показала снимок маме. Она бросила взгляд на экран, потом на меня:

— Во что это ты вырядилась? В мою старую куртку?

— Рука, мама... — я поднесла мобильник к ее лицу. — Неужели ты ничего не замечаешь?

— Сколько можно зависать в телефоне? — теперь она откровенно злилась. — Убери его и начинай есть.

— Но мама... Почему вы никогда меня не слушаете?..

Тут дедушка стал расспрашивать маму, как мы живем и все ли хорошо. Она покосилась на меня и нахмурила брови:

— Немедленно убери мобильник.

У меня и в мыслях не было зависать в телефоне. Я всего лишь хотела проверить, не померещилась ли нам с Сарой эта рука. И теперь точно знала, что нет. Там кто-то был, пытался войти в комнату. Еще секунда — и я увидела бы его лицо.

Мама под столом прижала коленом мою ногу.

— Всё в порядке, — ответила она дедушке. — И на работе тоже.

— Это хорошо, что у тебя есть работа. — Мама пожалала плечами и отвернулась к окну. — Теперь, когда девочка выросла, ты можешь больше рисовать.

Тут подоспела пицца. Дедушка не знал, что мама уволилась, мы с ней договорились не рассказывать ему об этом. С тех пор как папа пропал, мама работала уборщицей в доме престарелых, учительницей, сиделкой, секретаршей... И везде недолго, потому что хотела только рисовать. Дедушка явно собирался сказать еще что-то, но перед этим медленно отрезал и прожевал кусок пиццы, сделал большой глоток пива и поставил стакан.

— Вилла Бельвю — моя последняя сделка. До лета я собираюсь закрыть агентство и по-настоящему выйти на пенсию. Довольно с меня работы.

Я подумала, что ослышалась. Как это так, закрыть агентство? И куда тогда деваться нам с мамой?

— Да, конечно... — пробормотала она. — Хорошо... Мы уже знаем.

Знаем о чем? Что скоро нам будет негде жить?

Дома я первым делом поднялась в свою комнату и встала возле окна. Отсюда открывался великолепный вид на реку и ратушу. «Свою комнату»?.. Я задумалась. Разве мы не договаривались с бабушкой, что будем жить здесь, пока не вернется папа?

Милая Сара, как без тебя плохо... Как бы мне хотелось, чтобы было как раньше: я и ты. И никакого Ника... я уже начинала его ненавидеть.

Я проснулась посреди ночи. На обоях лежала белая полоска — просочившийся между гардинами свет уличного фонаря. Часы на ратуше пробили полночь. Сон не вполне развеялся, но чувствовала я себя на удивление бодро. Я опять вспомнила папу. Так захотелось, чтобы он, как когда-то, склонился над постелью, погладил меня по голове...

Мне легче засыпалось, когда ты был рядом, папа, и это, пожалуй, все, что я о тебе помню. Ты словно стираешься из моей памяти, с каждым днем все сильнее. Я смотрю на твою фотографию и знаю, что это ты. Но я больше не могу представить тебя рядом с нами. Что бы ты сделал, сказал? Смеялся бы ты над моими шутками? Я все время думаю о тебе, сколько бы ни старалась переключиться на что-нибудь другое. На тот дом, например, виллу Бельвю. Я помню все, что видела

Купити книгу на сайті knigobiz.ua >>>

в тех комнатах, вплоть до мельчайших деталей. Даже пыль, которая взвилась столбом, когда дедушка сдернул черные гардины.

И знаешь, папа, что-то не так с этой виллой, но я никак не могу понять, что именно. И дедушка очень изменился с тех пор, как мы стали туда ездить. Я не узнаю его. Он сник, постарел и выглядит таким уставшим. Не потому ли он решил закрыть агентство? Что с ним стряслось, папа? Думаю, ты смог бы мне это объяснить. Дедушка ходил по дому, как будто жил там когда-то раньше. А потом вдруг вспомнил войну, о которой никогда не рассказывал. Кто такая Адель? Что, если она до сих пор жива и это ее руку мы с Сарой видели на снимке? Может, что-то не так с камерой на мобильнике? Но я получилась как обычно. На фотографиях я почти всегда улыбаюсь, поэтому все говорят, что я фотогенична. Но дело в другом. Я не смогла бы все это вынести, если бы оставалась серьезной.

Иногда мне снятся кошмары.

Что будет со мной и с мамой? Где мы будем жить? Вернись, пожалуйста, ты сейчас так нужен нам, папа.

Я швырнула подушку о стену. В наволочке оказалась маленькая дырочка, из которой полетели перья. Они медленно кружили в бледном фонарном свете. Совсем как снежные хлопья.

Наконец я снова заснула. Мне приснилось, что мы с папой плаваем в море. Вода теплая и соленая, а потом мы попадаем в холодное течение. Ревет ветер. Я нащупываю под водой папину руку. Уши закладывает...

Когда я проснулась, одеяло валялось на полу. На губах остался привкус соли — должно быть, от слез.

Папа пропал в море, поэтому найти его не могли ни полиция, ни служба спасения. Он был фотографом, в основном снимал диких животных и птиц. Иногда по несколько дней сидел в засаде ради хорошего кадра. Мы никогда за него не волновались, но однажды папа не вернулся. Его машину нашли возле рыбацкого домика с камином. Что он там делал один?

Мы побывали в тех местах, когда приехали забрать автомобиль. Дул ветер, волны бились о прибрежные скалы. Что, если папа поскользнулся и упал в воду? Думаю, его подобрал какой-нибудь корабль, и сейчас наш папа путешествует на нем вокруг света. Если это так, он должен вернуться.

Когда я проснулась, наступило утро, но мама еще спала. Я слышала, как она дышит в спальне. Бывали дни, когда она оставалась в постели, сколько хотела.